

Женитьба Бальзамина

Автор:

Александр Островский

Женитьба Бальзамина

Александр Николаевич Островский

Александр Николаевич Островский

Женитьба Бальзамина

Картина первая

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павла Петровна Бальзамина, вдова.

Михайло Дмитрия Бальзамино, сын ее.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Матрена, кухарка.

Лукиян Лукьяныч Чебаков, офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват, сюртук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.

Бедная комната у Бальзаминовых.

Явление первое

Бальзаминава (пьет чай) и Матрена (стоит у двери).

Бальзаминава. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзаминава. А где же Миша? Что-то не видать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзаминава. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пускай спит. Никакие важных дел за ним нет; остановки не будет. А я соследила, куда он ходит.

Бальзаминава. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминава. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминава. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзаминава(встает). Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. (Уходит.)

Матрена садится к столу и пьет. Бальзаминава возвращается. Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит еще. (Садится.) А как их по фамилии-то, где он ходит?

Матрена(оборотив голову). Пеженовых.

Бальзаминава. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминава. Как же таки сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминава. Экая ты бестолковая. Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминава. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры – обе девки, уж в годах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминава. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминава. Зачем же такой приказ?

Матрена(дуя в блюдечко и оборачиваясь). Потому страм.

Бальзаминава. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. (Накрывает чашку.) Покорно благодарствуйте! (Встает и уносит самовар.)

Бальзаминава. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит-ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней». Что правда то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

Явление второе

Бальзаминава и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте...

Бальзаминава. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама красоты необыкновенной и говорит: «Господин Бальзаминов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как на смех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напороочил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков, отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему? Что вы говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же? Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого! Пройду по рынку мимо лавок лишней раз – сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили

тебя, а они разве дадут? Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминава. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминава. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться – и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени... что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминава. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминава. Да ты проснулся ли совсем-то, или еще все бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминава. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер. А теперь что я? Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки... А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело; уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу – сидит барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминава. Все вздор какой говоришь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька, говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминава. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». А все-таки я, маменька, не унываю. Этот сон... хоть я его и не весь видел, – черт возьми эту Матрену! – а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзаминава. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминава. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминава. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит – точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно, если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминава. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! (Уходит.)

Бальзаминава. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «Я вас люблю и обожаю»... Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю», – это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

Явление третье

Бальзаминава и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминава. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминава. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но, однако же, ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю? У меня совесть-то чище золота, одно слово – хрусталь, да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь. Первое дело – хлопоты даром пропадают, а второе дело – всему нашему званию мараль. А просто сказать: «Знать, не судьба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминава. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая...

Бальзаминава. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не сострять; значит, я с него возьму что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчета тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзаминава. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на ворота не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сына твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминава. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечером зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила – подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминава. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и сучает.

Бальзаминава. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? известно – покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминава. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит, одеваться надобно; а приедешь – разговаривать нужно.

Бальзаминава. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну, таким-то родом, сударыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспрерывно чтоб замуж шли».

Бальзаминава. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминава. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь, дома-то сидя?» – «А я-то, говорю, на что?» – «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминава. Ну, а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминава. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем вам кажется, у кого денег нет. А поди-ка попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколько умеет, до столько и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколько умеет?

Бальзаминава. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтет, а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артихторы считали, считали, цифирю не хватило.

Бальзаминава. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цифирь-то сначала и оборотят. Вот как! Так что ж тут мудреного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами – это само по себе, а еще дом.

Бальзаминава. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Бальзаминава. Ты уж что-то много насаждала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминава. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

Явление четвертое

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Всё ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пушай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слышал ли когда песню:

Никто души моей не знает

И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха – она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело? Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себе денег, значит я должен жениться на богатой. (Садится.) Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный – на бедной. Есть ли в этом

какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный – на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все на смех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия?

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду: признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

Явление пятое

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вот за этот-то самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрена и становится у двери, приложив руку к щеке.

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не обыкновенную. Ты человек глупый, значит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-ostrovskiy/zhenit-ba-bal-zaminova>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)